

История любви
в истории Франции

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR
DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*Эжени
флиртовала...*

*Женщины времен
Июльской монархии*

ТОМ 9

 ЭТЕРНА

Москва, 2018

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)
Б87

Дизайн — Александр Архутик

*В оформлении использован фрагмент работы
Анри де Тулуз-Лотрека «Женщина за туалетом» (1896)*

Бретон, Ги

Б87 История любви в истории Франции: Т. 9. Эжени флиртовала... Женщины времен Июльской монархии / Пер. с фр. В. В. Егорова. — М.: Этерна, 2018. — 400с.

ISBN 978-5-480-00059-7

ISBN 978-5-480-00339-0 (т. 9)

«Я определенно рискую, пытаюсь доказать, что перво-причиной великих событий обязательно являлись женщины и какая-либо любовная история, зачастую довольно непристойная. Некоторые суровые или лицемерные критики, возмущенные этим, ядовито замечают, что автор, мол, захотел отождествить подоплеку Истории с нижним бельем фавориток... Не знаю, что лично вы думаете об этих высказываниях... Я же отношусь к ним совершенно равнодушно...»

**УДК 94(4)
ББК 84-4 (Фр)**

ISBN 978-5-480-00059-7
ISBN 978-5-480-00339-0 (т. 9)

© В. В. Егоров, перевод, 2018
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2018

*Мое сердце всегда должно быть
кем-то занято.*

НАПОЛЕОН III

Посвящается Франсуа Перье

Я определенно рискую, пытаюсь доказать, что первопричиной великих событий обязательно являлись женщины и какая-либо любовная история, зачастую довольно непристойная.

Некоторые суровые или лицемерные критики, возмущенные этим, ядовито замечают, что автор, мол, захотел отождествить подоплеку Истории с нижним бельем фавориток...

«Он слишком озабочен половыми сношениями, слишком уж тяготеет к багате-ли; это — лесной сатир, глядящий через плечо на грудь Клио...» — пишут одни.

«Он не может прикоснуться к женщине без того, чтобы тут же не задрать ей юбку», — пишут другие.

Не знаю, что лично вы думаете об этих высказываниях... Я же отношусь к ним совершенно равнодушно.

Ибо первая фраза принадлежит Сент-Беву, вторая — Жорж Санд, и обе они адресованы Мишле...

Глава 1

ГОСПОЖА ДОСН ПОДТАЛКИВАЕТ ГОСПОДИНА ТЪЕРА К ВЛАСТИ

Сколь счастлива жизнь, которая начинается с любви и заканчивается честолюбием...

Стендаль

12 августа 1822 года около восьми часов утра на лугу Монмартра двое мужчин с пистолетами в руках стояли друг против друга. Их секунданты держались чуть поодаль.

Один из дуэлянтов был высоким крепким краснолицым мужчиной пятидесяти лет. Бывшего солдата Империи звали господином Боннафу.

Другой — коротышка, в очках, закрывавших пол-лица, выглядел лет на двадцать пять. Звали его Адольф Тьер...

Причиной их ссоры, естественно, явилась женщина. В Эксе, где Адольф Тьер изучал право, он влюбился в мадемуазель Боннафу и даже

пообещал на ней жениться. Но потом, переехав в Париж для того, чтобы там сколотить себе состояние, и познакомившись с молодыми женщинами, чье материальное положение вполне могло послужить его честолюбию, он быстро позабыл о юной провинциалке. И тогда господин Боннафу сел в дилижанс и прибыл в Париж, чтобы потребовать от юного Растиньяка¹ выполнения данного им обещания.

Поскольку Адольф заявил, что его положение редактора газеты «Конститюсьонель» не позволяет ему пока обзавестись женой, старый «ворчун»² вызвал его на дуэль.

Вот поэтому-то двое мужчин, едва не ставших один зятем, а другой тестем, и встретились утром на той лужайке.

По сигналу одного из секундантов господин Боннафу выстрелил первым, но промахнулся. А Тьер, как хороший игрок, после этого просто послал пулю в воздух. Дуэль закончилась.

В карету Адольф Тьер сел с задумчивым и немного грустным выражением на лице. Он подумал о том, что с этим ударом молнии, прокатившимся в небе Монмартра, безвозвратно ушла его жизнь юного провансальца.

Его кошачьи глазки за овальными стеклами очков заблестели.

— Теперь, друзья мои,— сказал он,— пора завоевывать Париж...

Для того чтобы достичь своей цели, маленький марселец, в чьих жилах текла греческая кровь³, готов был использовать любые средства, в том числе и те, что могли предоставить женщины⁴. Единственным препятствием в этом была

его застенчивость. Приобретенный им любовный опыт не был еще достаточно большим, и он боялся показаться неискушенным тем красавицам-аристократкам, чьей протекции он так хотел добиться. Будучи по натуре дотошным до мелочей (как в учебе, так позднее и в политике), Тьер решил брать уроки у опытных в любви женщин. Приняв такое решение, он стал почти каждый вечер появляться в компании с девицами, чья добродетель была под большим вопросом. Эти нежные милые создания, сами того не подозревая, вложили в руки маленького журналиста оружие, которое он вскоре пустит в ход для завоевания парижских салонов.

Прилежный и смысленный ученик, Адольф Тьер вскоре превзошел своих наставниц. Он сам начал придумывать довольно смелые задачи и решать их с таким мастерством и ловкостью, что смог бы удивить даже самих составителей известной «Камасутры». И лишь только тогда он осмелился начать ухаживать за женщиной из высшего света.

Спеша претворить в жизнь свои планы, он сразу же выбрал для себя очень высокую цель и повел атаки на Доротею Курляндскую, герцогиню де Дино, которая была племянницей и время от времени любовницей Талейрана.

«Она была,— писал Андре Жермен,— на несколько лет старше его; для человека, начинающего в литературе и политике, подобная женщина была чем-то вроде блестящей добровольной повинности»⁵.

Естественно, навыки, приобретенные в постелях дам из Пале-Рояля, очень понравились красавице-герцогине. И вот как-то утром, после осо-

бенно насыщенной любовью ночи, она отправилась к своему дяде и принялась расхваливать ум маленького провансальца и глубину его политических взглядов.

Старый лис, разумеется, сразу же догадался, какими скрытыми достоинствами журналиста объясняется восторг прекрасной Доротеи. Но, учув и то, что этот честолюбивый и неразборчивый в средствах молодой человек мог стать прекрасным орудием в его борьбе за возвращение к власти, бывший министр подавил в себе ревность.

В тот момент, а дело происходило в 1826 году, Талейран тайно готовил свержение Карла X. Подбрасывая идейки журналистам из оппозиционных газет, возбуждая недовольство масс режимом, множа число разочарованных людей, он надеялся раз и навсегда добиться изгнания Бурбонов из Франции.

Маленький Тьер, у которого в руках был такой рупор, как «Конститусьонель», мог оказать неоценимую услугу. Талейран встретился с ним, легко очаровал и, наконец, с улыбкой произнес:

— Настанет день, мсье Тьер, и вы станете министром... Но для этого нужно, чтобы Пале-Рояль перебрался в Тюильри...

В Пале-Рояле с женой и детьми проживал как простой буржуа Луи-Филипп Орлеанский, сын Филиппа Эгалите. Намек бывшего епископа Отунского был поэтому ясен любому. Для того чтобы смогли осуществиться честолюбивые помыслы Адольфа Тьера, следовало сделать так, чтобы Карл X перестал быть королем и чтобы на трон взошел герцог Орлеанский...

Молодой журналист прекрасно понял, что именно он должен был делать и чего от него ждали.

С этого момента он яростно, ядовито и, следует признать, умно стал критиковать решения, принимавшиеся последовательно менявшимися премьер-министрами Карла X. Его узнали широкие читательские массы, перед ним открылись двери многих салонов, он стал модным полемистом.

В 1829 году, догадавшись, что во время правления монарха, чей приход к власти он исподволь готовил, буржуазия займет главенствующие позиции и постепенно отстранит аристократию от власти, Адольф Тьер решил, что ему следует на всякий случай поскорее заручиться поддержкой представителей этого недоверчивого класса.

И тогда он стал любовником госпожи Досн, жены крупного биржевого маклера, нажившего огромное состояние на спекуляциях земельными участками.

Защитив себя от нападков правых и центристов этими двумя очаровательными и умными женщинами, маленький Тьер понял, что ему нет никакой необходимости искать себе половину...

Госпожа Досн помогала мужу сколачивать состояние, деля ложе со всеми крупными финансистами того времени.

Она была, что называется, женщиной с головой.

Как прилежная разночинка, она записывала имена своих любовников в специальную книжечку и ежемесячно подводила итоги того, чего она от них смогла добиться. Те из любовников, которые не оказались достаточно полезными, лишались, по выражению ее близких друзей, доступа «к конфетке Софи»...

Молодая женщина давно уже мечтала открыть у себя политический салон и принимать

дома государственных деятелей, дипломатов, журналистов. Маленький Тьер, как ей казалось, мог дать ей все это⁶.

Правда, она не знала того, что и юный Адольф, гулявший по Парижу в привлекающих всеобщее внимание жилетах и очках, щеголявший своим акцентом и красноречием, не находившим пока применения, очень рассчитывал извлечь выгоду из связи с ней.

Несколько недель они разыгрывали комедию любви. Но Тьер, чей темперамент с годами становился все горячее, исполнял свою роль с таким рвением, таким блеском, такими глубокими изысканиями «в деле доставления удовольствия», что госпожа Досн, восхищенная, очарованная, «урчащая от удовольствия», влюбилась в него всерьез.

— Я сделаю тебя величайшим государственным деятелем Франции,— сказала она ему однажды после того, как он очень хорошо потрудился.

Будущий освободитель страны отблагодарил ее подходящим обстановке жестом...

1 января 1830 года Тьер вместе со своими друзьями Минье, Арманом и Карелли стал содиректором новой оппозиционной газеты «Насьональ», которую финансировал Талейран.

В этой ежедневной газете, выступавшей на стороне герцога Орлеанского, с первых же номеров стали публиковаться статьи, содержавшие яростные нападки на режим. «С первого же номера,— писал Сент-Бев,— газета начала революционную осаду».

Госпожа Досн, естественно, была в восторге:

— Эта газета прославит тебя на всю страну... Продолжай в том же духе! Нападай на этого

короля, который только сидит на троне, а государством не правит. И задай-ка взбучку Полиньяку, чье пребывание на посту министра является оскорблением всех и вся в нашей стране⁷.

Неловкая политика Карла X неожиданно помогла Софи подтолкнуть своего любовника к власти.

26 июля 1830 года в газете «Монитор» были опубликованы известные королевские указы, временно отменяющие свободу прессы. Все оппозиционные газеты тут же дружно выступили против указов. Узнав об этом, Софи воскликнула:

— Адольф, пришло время действовать! Лети скорее к себе в редакцию и возглавь борьбу: говори, кричи, требуй, делай все, чтобы все видели и слышали только тебя одного... И тогда ты выиграешь.

Тьер помчался в «Насьональ», редакция которого находилась на улице Св. Марка, протиснулся сквозь толпу собратьев по перу, обсуждавших, что им следует предпринять, кого-то толкнул, кого-то лягнул, закричал громче других, влез на стол и произнес речь и в конце концов получил от собравшихся задание сочинить текст протеста.

Ему дали большой лист бумаги, и он дрожащей рукой написал на нем то, что много раз говорил своей любовнице во время бесконечных бесед на политические темы после изнурительных занятий любовью. И первым поставил свою подпись.

«В этот самый момент,— отметил Морис Реклю,— он входил в историю. А выйти из нее ему суждено было спустя сорок семь лет, причем через парадную дверь».

27 июля, продолжая находиться в состоянии возбуждения стараниями госпожи Досн, Тьер со-

брал в салоне газеты «Насьональ» многочисленную группу избирателей, а затем увлек их к Казимиру Перье, «чтобы попытаться призвать парламент к действию». После чего он снова вернулся в редакцию газеты, написал яростный призыв к населению взяться за оружие и отправился спать. А в это время в Пале-Рояле и на площади Победы раздались первые выстрелы.

Наутро 28 июля главные улицы столицы были перегорожены баррикадами, над которыми развевались трехцветные флаги. В это прекрасное летнее утро ожидалось прибытие в Париж королевской гвардии. Когда гвардейцы вступили в город, на их головы полетело все, что было у парижан под рукой: булыжники мостовой, кирпичи, предметы мебели, бутылки... Затем началась стрельба. Спустя полчаса разгорелись ожесточенные бои на улице Сен-Антуан, на площади Бастилии, в районе Мадлен, перед городской ратушей и у ворот Сен-Дени. «Ружейные выстрелы, стоны раненых, вопли женщин, барабанная дробь, призывные крики,— писал Мишле,— были апофеозом этого гимна, наспех сочиненного народом на слова, которые ему не надо было подсказывать: “Да здравствует Хартия! Долой ордонансы! Долой Бурбонов!”».

Послушав из-за закрытых ставней этот тревожный гул, Адольф удовлетворенно потер руки и закрылся в своем рабочем кабинете. Он просидел там весь день. А в это время парижане и военные убивали друг друга.

Вечером маленький Тьер вздрогнул от выстрела орудия. Глазки его беспокойно забегали за огромными стеклами очков, голова почти полностью вжалась в плечи, а лицо скрылось за

огромным галстуком — он услышал отзвуки революции, разгореться которой он же и помог. И эти отзвуки нагоняли на него страх.

В десять часов вечера Руайе-Коллар сообщил ему, что оставаться в столице стало небезопасно. До смерти перепуганный пламенный трибун быстро собрал чемодан, надвинул на глаза шляпу, вскочил в фиакр и велел гнать в направлении Понтуаза.

В Бессанкуре он сделал остановку, чтобы немного передохнуть на постоялом дворе.

Но едва он лег в постель, как на лестнице послышался сильный шум. Натянув простыни к подбородку, бедный Адольф задрожал от страха, но тут услышал, как знакомый голос за дверью произнес:

— Мсье Тьер! Проснитесь!..

Это был его слуга, которого послали вдогонку друзья Тьера, чтобы сообщить маленькому журналисту, что успех революции был несомненен и что опасаться больше было нечего.

Тьер мгновенно преобразился. Нахмурив брови, он сделал устрашающее лицо:

— Мы немедленно возвращаемся в Париж и поможем этим героям!

29-го, на заре, он прибыл в столицу. Как раз в момент триумфа восставшего народа: Тюильри был взят, королевская гвардия сложила оружие, над городской ратушей реял на ветру трехцветный стяг.

Маленький человек велел ехать к госпоже Досн. Та слегка пожурила его за то, что он сбежал из Парижа в тот самый момент, когда власть была у него почти в руках.

— Теперь отправляйтесь к Лафитту. Все будет решаться там.

Тьер помчался к банкиру, в доме которого собрались все лидеры оппозиции для того, чтобы решить, что делать дальше. Кто-то предложил вступить в переговоры с Карлом X, находившимся в своей летней резиденции Сен-Клу.

Адольф яростно выступил против этого:

— Хватит с нас Бурбонов! — закричал он.

Затем, схватив за руку своего приятеля Минье, он понесся в типографию газеты «Насьональ» и быстро написал прокламацию в поддержку герцога Орлеанского:

«Карл X больше никогда не должен возвратиться в Париж, где он пролил кровь своего народа. Республика принесет нам многочисленные беды и рассорит со всей Европой. Герцог Орлеанский был под Жемманом. Герцог Орлеанский шел в огонь под трехцветным знаменем, и только он один может еще носить эти цвета. Никого другого нам не надо. Герцог Орлеанский уже определил свою позицию: он принимает Хартию, чего мы всегда хотели. Он получит корону из рук французского народа».

Когда эту прокламацию уже запускали под пресс, Минье выразил сомнение:

— Все это прекрасно, но мы не предупредили самого герцога Орлеанского.

Тогда Тьер изменил последние две фразы:

«Герцог Орлеанский не определил свою позицию: он ждет, когда мы выскажем ему свои пожелания».

На другой день, 30 июля, эти прокламации были расклеены по всему Парижу. И пока зеваки с некоторым удивлением читали ее, господин

Тьер, надев белые чулки, туфли и свою большую шляпу, сел на пони, позаимствованного у сына маршала Нея, и после многочисленных происшествий приехал в замок Нейли, летнюю резиденцию герцога Орлеанского.

Его приняли герцогиня Мари-Амелия и сестра Луи-Филиппа мадам Аделаида.

— Его королевского Высочества нет дома.

Марсеlec, отчаянно жестикулируя, стал объяснять, что должен непременно увидеться с герцогом, и как можно скорее. Мадам Аделаида слегка замялась. Ей было непросто объяснить, что братец ее, едва заслышав первые выстрелы, поспешил укрыться у одного знакомого лесничего в Ренси.

— А в чем, собственно, дело? — спросила она.

Тьер знал, что мадам Аделаида имела очень большое влияние на принца.

— Палата депутатов, — сказал он, — решила назначить герцога Орлеанского главнокомандующим войсками королевства. Надо, чтобы Его королевское Высочество немедленно прибыли в Париж.

Изумленные женщины и не подумали спросить у господина Тьера, кем он был послан к представителю младшей ветви династии и кто именно направил его в Нейли. Счастливая забывчивость! Ведь маленькому журналисту было бы очень трудно признаться в том, что инициатором его поездки была всего лишь госпожа Досн...

Вечером того же дня герцог Орлеанский вернулся в Пале-Рояль.

А 9 августа он стал королем Франции...⁸

Преисполненная радости госпожа Досн расцеловала своего маленького Тьера.

Уж теперь-то у нее будет превосходный и самый известный политический салон в Париже...

Спустя три недели после революционного праздника «Трех храбрецов» парижане, изгнавшие последнего представителя рода Бурбонов и развесившие повсюду трехцветные флаги, перестали интересоваться политикой⁹.

И пока маленький Тьер, получивший пост генерального секретаря министерства финансов, старался стать министром и добивался назначения господина Досна, мужа своей любовницы, главным казначеем министерства, все жители улицы пели, танцевали, объедались мороженым и проявляли громадный интерес ко всяческим сплетням. К тому же парижанам представился случай посмеяться над одной забавной историей.

25 августа, в День святого Людовика, жена одного адвоката по фамилии Бодез устроила небольшой прием. «Нельзя не похвалить эту даму за желание отпраздновать день ангела своего мужа,— пишет поведавшая об этой истории госпожа Васси.— Но увы! Она была большой проказницей и надумала пригласить на праздник в честь мужа и своего любовника, молодого биржевого маклера. Эта ее затея явилась причиной ужасного скандала»¹⁰.

Во время приема мэтр Бодез предложил гостям посмотреть его коллекцию механических игрушек. Все с радостью согласились.

— Некоторые из них,— сказал он с гордостью,— очень похожи на те создания, что сотворила сама природа.

Госпожа Бодез заявила, что останется в салоне для того, чтобы приготовить новые прохладительные напитки.

— Я вам помогу,— заявил галантный маклер.

«И вот все гости пошли за адвокатом. Целый час мэтр Бодез демонстрировал восхищенным гостям, как работают его механические игрушки: клюющая зерно курица, поющие птицы, куклы, танцующие медленный танец, бегущие собаки, игроки в шахматы».

— Но это — пустяки,— сказал адвокат, откашлявшись.— Пойдемте, я покажу вам мою самую прекрасную механическую игрушку, чьи движения доведены до совершенства.

Подведя гостей к маленькому будуару, он толкнул дверь:

— Смотрите же!

Наступила гнетущая тишина. Зрелище, открывшееся взорам пораженных гостей, было вовсе не тем, на которое рассчитывал адвокат. На канаве лежала пара, совершавшая «очень естественные движения». Но это были не механические игрушки, а госпожа Бодез и маклер, решившие доказать друг другу свое расположение.

Кончилось все тем, что мэтр Бодез крепко выругался, вернув тем самым любовников к реальности. И начался концерт, сопровождаемый дикими воплями, потоками слез, отчаянной беготней к разбросанным по всей комнате предметам одежды...

Вечер был испорчен...

Эта история достигла ушей короля, и он очень долго над ней смеялся. Потому что Луи-Филипп обожал разные альковные истории и каждое утро министр внутренних дел вручал ему составленную Тайной канцелярией сводку об интимной жизни Парижа.

Так он вскоре узнал все мельчайшие подробности любовной связи господина Тьера и госпожи Досн.

Так он узнал, в частности — и был очень доволен этим,— что господин Тьер любил рассказывать совершенно голым перед лежавшей в постели любовницей и в этом одеянии Адама импровизировал, произнося совершенно серьезные речи на важнейшие политические темы.

Это его поведение очень забавляло госпожу Досн, обожавшую контрасты.

Произнеся несколько речей в стиле Лафитта, барона Луи, господ Броглио, Дюпона де Лера, Моле и Казимира Перье, пылкий Адольф снова нырнул в постель и с яростью набрасывался на довольную красотку Софи...

После чего, обессиленные и изможденные, они заводили разговор о будущем монархии...

— Она сделает его министром,— сказал однажды Луи-Филипп своему премьеру Гизо.

— Этого вульгарного коротышку? Никогда!

— Вот увидите... Народу нравятся фривольные паяцы...

И король расхохотался...

От альковных историй короля на некоторое время отвлек разразившийся в Париже скандал.

Глава 2

ПРИНЦ КОНДЕ СТАНОВИТСЯ ЖЕРТВОЙ ЭРОТИЧЕСКИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Погоня за сладострастием доставляет порой много неприятностей...

Жан Шоке

Данным утром 27 августа 1830 года в замке Сен-Ле, служившем летней резиденцией Его Высочества герцога Бурбона, последнего представителя этого рода, стояла тишина.

Хозяин замка еще не дал знать челяди о своем августейшем пробуждении. Его любовница баронесса де Фешер спала, а некий жандармский унтер-офицер, чьими услугами эта дама тайно пользовалась по ночам, уже отправился к себе в деревню, проведя в замке ночь, которая была «очень насыщенной», по мнению слуг, знавших всю подноготную жизни своих хозяев...

В восемь часов утра камердинер принца Леконт постучал в дверь спальни хозяина замка. Не имея никаких честолюбивых устремлений, он

просто хотел войти в комнату, а получилось так, что он вошел в историю...

Не услышав ответа, Лекомт подумал, что госпожа де Фешер сильно утомила Его Высочество, которому было уже семьдесят три года. И камердинер удалился.

В девять часов он снова был у двери и снова постучал. Результат был таким же, как и в первый раз. Это его заинтриговало, и он осторожно повернул ручку двери, но та не поддавалась, поскольку дверь была заперта изнутри.

На сей раз Лекомт встревожился, ибо герцог Бурбон не имел привычки запирается в своей спальне. Камердинер обернулся к подошедшему доктору Бонни, явившемуся как всегда, чтобы провести утренний осмотр старого принца.

— Что вы на это скажете?

Врач не стал скрывать своего беспокойства:

— Опасаюсь самого худшего,— сказал он.— Надо немедленно предупредить мадам де Фешер.

И мужчины поспешили на первый этаж, где находились покои баронессы. Она была еще в постели, поэтому камердинеру и врачу пришлось объяснять причины своего беспокойства через дверь.

— Я немедленно поднимусь к нему,— крикнула она в ответ.— Когда он услышит мой голос, то немедленно отзовется!

Она вышла из комнаты не совсем одетой. Поднимаясь по лестнице, она добавила:

— Если принц не ответит, нам придется взломать дверь. У него мог случиться приступ... Но ничего, кровопускание быстро поставит его на ноги!

Подойдя к двери любовника, она крикнула:

— Монсеньор!.. Откройте, монсеньор!.. Откройте же!.. Это я, монсеньор!..

Поскольку никто не отвечал, она обратилась к Лекомту:

— Скорее позовите кого-нибудь! Надо взломать дверь! Пошлите за Манобу и скажите ему, чтобы захватил с собой необходимый инструмент, что-нибудь вроде тарана...

Через несколько секунд начальник стражи замка высадил тяжелым молотом одну из створок двери...

Баронесса и трое мужчин вошли в комнату. При свете свечи, догоравшей рядом с пустой кроватью, они увидели герцога, прислонившегося к внутренним ставням. Он был неподвижен и стоял в позе человека, который к чему-то прислушивается. Доктор Бонни бросился к нему и вскрикнул: герцог Бурбон, отец герцога Энгиенского, последний из рода Конде, висел на двух связанных носовых платках, прикрепленных к шпингалету...

Убийство или самоубийство?

Все говорило в пользу второй версии: и запертая изнутри дверь, и порядок в комнате, и отсутствие на теле принца каких бы то ни было следов насилия...

Однако доктор Бонни не верил в самоубийство по многим причинам. «Чтобы повеситься,— гласит поговорка,— надо надеть на шею петлю». А этого-то герцог сделать как раз и не мог, поскольку перелом ключицы не позволял ему поднять левую руку. Кроме того, со времен битвы при Бернштайне, то есть с 1795 года, когда он потерял три пальца, принц с трудом владел и правой рукой. Как же он смог сделать такой мудреный узел, которым были связаны платки?

И потом, герцог Бурбон всегда считал самоубийство не только большим грехом, но и пре-

ступлением. За двенадцать дней до смерти он сказал своему дантисту Оштайну:

— Только трус может убить самого себя!

Что же из всего этого следовало?

Пока доктор Бонни размышлял над этим, госпожа де Фешер, упав в кресло и стараясь соблудности все условности, стала картинно заламывать руки и испускать горестные стоны. Вдруг, издав самый душераздирающий стон, она произнесла:

— О, как хорошо, что принц умер такой смертью! Если бы он умер в своей постели, все непременно подумали бы, что это я его отравила...

Доктора сильно удивили эти слова. Однако он промолчал, продолжая осмотр тела Его Высочества, все еще висевшего у окна. Его поразила одна любопытная деталь: ноги повешенного не были оторваны от пола, а касались ковра...

Странное самоубийство!¹¹

К одиннадцати часам утра о печальном открытии доктора Бонни и Лекомта доложили королю. Взволнованный монарх направил в Сен-Ле председателя палаты пэров барона Паскье.

Во второй половине того же дня, лично проведя расследование, Паскье направил королю официальную записку. Вот ее содержание:

«Обстоятельства смерти настолько необычны, что требуют проведения очень глубокого расследования, и я полагаю, что Его Величеству было бы нелишне немедленно прислать сюда двух врачей, а именно доктора Марка и доктора Маржолена, имеющих опыт проведения осмотров, который требуется в данном несчастном случае».

Что же касается полковника Рюминьи, начальника личной охраны, не перестававшего напоминать об увечьях покойного, 7 сентября президиумом суда города Понтуаза было вынесено следующее постановление:

«Из собранной информации становится совершенно очевидно, что смерть принца Конде была добровольной и явилась следствием самоубийства. При этих условиях правосудие не испытывает необходимости в сборе дополнительных сведений, равно как и в судебном преследовании кого бы то ни было. Посему суд постановляет: признать расследование исчерпывающим и считать дело закрытым».

Выводы, сделанные судом, повергли в недоумение всех здравомыслящих людей. Стал распространяться слух о том, что «кое-кого хотят спасти от наказания»... Имени не назвали, но всем было ясно, что речь идет о госпоже де Фешер.

15 сентября появилась анонимная брошюра с очень вызывающим заглавием: «Обращение к общественному мнению по поводу смерти Луи-Анри-Жозефа Бурбона, принца Конде»¹².

В ней баронесса открыто обвинялась в убийстве своего любовника. Кроме того, отдельные фразы брошюры намекали на то, что за ее спиной стоял сам король...

Эта брошюра вызвала широкий резонанс, и люди стали интересоваться, кто же такая эта госпожа де Фешер...

И вскоре все узнали, что собой представляла эта сомнительная особа.

Эта элегантная женщина, бывшая на тридцать два года моложе своего любовника, была

англичанкой с довольно бурным прошлым и вела образ жизни отнюдь не послушницы монастыря.

Дочь рыбака с острова Уайт, Софи Дэйвз, так ее звали, в пятнадцать лет уехала в Лондон с намерением стать актрисой. После нескольких неудачных попыток и проб на сцене Ковент-Гардена она решила «посвятить себя свободной любви».

Герцог Бурбон встретился с ней в Лондоне в 1811 году, когда она, как говорили, «злоупотребляла чарами, дарованными ей Провидением»...

Следует сказать, что Его Высочество посещал не только салоны лондонской аристократии. «Каждый вечер,— пишет доктор Лебопен,— после ужина в скромном “Шоп Хаузе” он отправлялся в театр в те часы, когда билеты на спектакль стоили половину цены. По окончании представления он выходил из театра в компании одной-двух девок, с которыми отправлялся ужинать в какой-либо кабак, сочетая таким образом свое беспутное поведение со скаредностью»¹³.

С Софи Дэйвз Его Высочество познакомился в одном из домов свиданий на Пикадилли. Очарованный «ее нахальными голубыми глазами, пылким темпераментом и пристрастием к безделушкам», Луи Бурбон поселил девицу в своем лондонском доме.

Вскоре молодая женщина стала главным «организатором удовольствий и развлечений принца Конде». При активном участии нескольких своих приятельниц по сералю она стала «художественным руководителем» довольно смелых эротических постановок. Каждая из подготовленных ею «сцен» имела свое название. В «Ласковой собаке» совершенно голый принц Конде должен был перед шестью обнаженными женщинами демонстриро-

вать «радость пса по случаю встречи с хозяйкой». В «Гасительнице свечей» Софи и ее подружки делали вид, что задувают свечу принца самыми изощренными способами. В «сцене» под названием «Помилосердствуйте!» принц должен был вложить свое «подавание» в раскрытые «кошельки» каждой из своих юных почитательниц. Назовем еще сцену «Пчелы, собирающие мед», в которой принц, лежа, естественно голым, на широкой кровати, изображал из себя бутон розы, а шесть самых опытных и темпераментных очаровательных гетер играли пчел, вьющихся вокруг цветка. Под лившиеся из музыкальной шкатулки звуки менуэта они не спеша снимали с себя одежды, медленно кружась вокруг ложа, на котором ожидал их принц Конде. Когда музыка замолкала, девицы набрасывались на свою добычу, доставляя принцу, по рассказам, «тысячу наслаждений».

Софи, прекрасно зная не только сомнительные места Лондона, но и местонахождение многочисленных книжных лавок и библиотек, составила для Его Высочества целую коллекцию редких по своему бесстыдству книг и гравюр¹⁴. И вечера их стали еще более эмоциональными...

Когда наступила Реставрация¹⁵, принц Конде, полагая, что порвать связь с Софи дело простое, покинул Лондон и вернулся во Францию. А через две недели в Париже появилась и молодая женщина.

Хотя это и вызвало большое неудовольствие принца, но он вынужден был встретиться с ней. Произнеся несколько дежурных любезностей, он, как рассказывают, попытался укрыться «за лицемерием Сен-Жерменского предместья».

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы остались со мной. Но ваше присутствие здесь может привести к скандалу...

Англичанка улыбнулась:

— А если вы выдадите меня за вашу внебрачную дочь?

По правде говоря, принц Конде после отъезда из Лондона очень скучал по шикарному телу Софи. При мысли о том, что безумные ночи могут начаться вновь, он даже покраснел от удовольствия:

— Великолепная мысль! Но для того, чтобы избежать сплетен, я должен выдать вас замуж.

И Его Высочество принялся подыскивать для Софи снисходительного мужа. Он остановил свой выбор на Андриане де Фешере, командире батальона королевской гвардии, которому услужливый Людовик XV незамедлительно присвоил баронский титул.

Свадьба состоялась в Лондоне 6 августа 1818 года. После свадьбы молодожены поселились в принадлежавшем принцу Конде дворце Пале-Бурбон.

Спустя несколько недель принц Конде сделал хитроумный шаг: он назначил Фешера своим камергером.

— Теперь-то он сможет жить почти рядом со своею женой,— говорили люди, подмигивая друг другу.

Но вот однажды какая-то добрая душа открыла Фешеру глаза на поведение его жены. Разъяренный от того, что его одурачили с женитьбой и обесчестили, несчастный муж отправился выяснять отношения с принцем. Выслушав рогоносца, Его Высочество пожал плечами:

— Не верьте всему этому, дорогой Фешер. Это люди злословят от зависти... Такова обратная

сторона успеха. Вам просто завидуют, что вы — мой друг!..

Но Фешер, не удовлетворенный таким объяснением, предпочел разорвать семейные узы. Баронесса немедленно переселилась к принцу, сохранившему в свои шестьдесят пять лет еще достаточно любовного пыла. И тогда ежедневно, а вернее, еженощно стали разворачиваться любовные игры, которые дали достаточно пищи для разговоров изумленной и восхищенной челяди принца. В 1824 году благодарный Луи Бурбон составил завещание, в котором передавал Софи богатые поместья Сен-Ле и Буасси...

С той самой поры, как утверждали злые языки, госпожа де Фешер стала жить «в нетерпеливом ожидании кончины Его Высочества». Но смерть явно не спешила в гости к принцу, несмотря на страстное желание его любовницы. И поэтому прошел слух, что госпожа де Фешер ускорила ее визит в ту ночь с 26 на 27 августа, подвесив принца к шпингалету у окна его спальни.

Получалось, что главной причиной преступления было всего-навсего с трудом сдерживаемое нетерпение.

Такова была первая версия.

Но вскоре всем стало ясно, что дело это было не столь уж простым, как казалось на первый взгляд, и что в этом зловещем преступлении был замешан еще и Луи-Филипп.

Каким же образом бывшая лондонская проститутка смогла войти в контакт с королем Франции и сделать его своим сообщником?

Об этом сообщила ошеломленным читателям брошюра, изданная в 1848 году.

В 1827 году баронесса де Фешер, опасаясь, как бы написанное в ее пользу завещание не было оспорено законными наследниками принца Конде, стала подыскивать себе влиятельного сообщника. Она остановила свой выбор на герцоге Орлеанском, который, как она знала, отличался неумеренной любовью к деньгам.

План ее был прост, но свидетельствовал о редком чувстве политической интриги: она решила уговорить принца Конде, владевшего одним из самых крупных состояний во Франции, завещать все свое богатство герцогу д'Омалю, сыну герцога Орлеанского, с тем условием, что последний согласится признать ее права на ту часть владений, которая была завещана ей принцем.

Таким образом, ее доля в наследстве становилась в некотором роде комиссионными за то, что она провернет такое выгодное дельце в пользу семьи герцога Орлеанского.

Для начала она изложила свой план Талейрану. Бывший министр иностранных дел был, надо полагать, восхищен дьявольской задумкой баронессы и обещал помочь.

— Приходите ко мне в пятницу,— сказал он.— Я представлю вас герцогу Орлеанскому. Смею заверить, что очень скоро вы с ним подружитесь.

Талейран не ошибся. Распираемый радостью при мысли о том, что огромное состояние принца Конде может достаться его сыну, будущий Луи-Филипп повел себя в отношении госпожи де Фешер необычайно галантно и пригласил ее в Пале-Рояль.

И бывшая лондонская продажная девка вскоре стала близким другом семьи герцога Орлеанского.

В Пале-Рояле ее осыпали ласками, угощали сладостями, наговорили массу комплиментов по поводу ее туалетов. А Мария-Амелия даже посылала ей письма, о тоне которых можно судить по следующему отрывку одного из этих писем:

«Меня очень тронуло, дорогая моя, то, что Вы поведали мне о Ваших хлопотах... Уверяю Вас, я этого никогда не забуду... Всегда и при любых обстоятельствах Вы и Ваши близкие найдете у нас ту поддержку, о которой Вы соизволили меня попросить. А признательность матери послужит Вам наилучшей гарантией».

Когда баронессе нездоровилось, в Пале-Рояле наступала настоящая паника. Будущий король Франции с растрепанными волосами и нечесаными бакенбардами мчался в Пале-Бурбон. Однажды из-за хлопот баронессы Луи-Филипп попал в очень смешное положение. Вот что пишет по этому поводу граф де Вильмар:

«Когда доложили о прибытии герцога Орлеанского, госпожа де Фешер принимала ванну в одном из тех знаменитых кресел-купелей, гениальных творений известного Лезажа, представляющих собой комбинацию механики и столярного дела. Баронесса выскочила из этой полуванны и бросилась в постель, но в спешке забыла опустить крышку ванны, которая служила сиденьем кресла. Этот модный в то время предмет мебели стоял совсем рядом с кроватью баронессы. Луи-Филипп, обрадованный тем, что Софи приняла его сразу же, увидел это, как он решил, специально приготовленное для него кресло и немедленно уселся на него. И к своему

большому, надо полагать, удивлению оказался в воде...

Попытки выбраться из этой водяной западни оказались безрезультатными.

Глядя на эту комическую сцену, госпожа де Фешер, позабыв о всяком почтении к Его Высочеству, чуть не задохнулась от смеха... Однако ей вскоре стало жаль гостя, попавшего в столь затруднительное положение, и она предложила позвать кого-либо из слуг, чтобы тот помог герцогу освободиться. Поскольку было ясно, что сам он из ванны выбраться не сможет в силу чрезмерных размеров нижней части его тела.

Луи-Филипп стал умолять ее не делать этого, ибо опасался, что слуга, которого она позовет, чтобы помочь вытащить его из ванны, непременно расскажет об этом своим приятелям в Пале-Бурбон, а те в свою очередь начнут болтать об этом на улице, и это несомненно вызовет тысячу насмешек в его адрес.

Он снова предпринял отчаянную, но безуспешную попытку обрести свободу. Эти усилия заметно повлияли на качество его прически, что еще больше развеселило больную. Наконец, она предложила позвать свою камеристку, девицу, по словам баронессы очень надежную и умеющую держать язык за зубами.

Луи-Филипп согласился. Мадемуазель Роза очень ловко помогла ему выбраться из «осады», в которой без ее вмешательства он просидел бы бесконечно долго. Намного дольше, чем его предок — регент Луи-Филипп Орлеанский при осаде Лерида в 1707 году»¹⁶.

Пока в Пале-Рояле переживали и нервничали, госпожа де Фешер делала все, чтобы заставить

своего любовника составить завещание в пользу герцога д'Омаля. Но принц Конде, ненавидевший потомков Филиппа Эгалите, упорно отказывался это делать. И тогда баронесса переменяла тактику. Она перестала быть нежной, предупредительной, заискивающей и стала резкой и агрессивной, сделав жизнь несчастного старика просто невыносимой. Когда он входил в ее комнату для того, чтобы удовлетворить свою страсть или просто поцеловать ее, она говорила:

— Сначала подпишите завещание!

Время от времени она даже поколачивала его. Случалось, по вечерам слуга принца Лебон слышал, как его хозяин плакал в своей комнате, повторяя:

— Неблагодарная мерзавка!

Однажды принцу нанес внезапный визит барон де Сюрваль. Он с удивлением смотрел на распухшее лицо и кровоточащий нос последнего из рода Конде.

— Видите, что она со мной сделала? — сказал принц. Барон посоветовал принцу категорически отказаться подписывать завещание. Принц потупился:

— Она пригрозила уйти от меня!..

— Ну так что ж! Пусть уходит!

Но у последнего Конде в глазах появились слезы:

— Я не могу этого допустить, — прошептал он. — Вам не понять, сколь сильны привычка и привязанность, которые я не в силах преодолеть...

Сцены и скандалы между баронессой и ее престарелым любовником повторялись из недели в неделю. И принц Конде сдался: герцог д'Омаль стал наследником всего его огромного состояния за вычетом двенадцати миллионов франков, завещанных Софи....

В тот вечер в Пале-Рояле состоялось торжество...

Спустя несколько месяцев герцог Орлеанский взошел на французский трон. И сразу же принц Конде стал тайно готовиться покинуть Францию с тем, чтобы присоединиться к находившемуся в изгнании в Швейцарии Карлу X. Он уже затребовал паспорт и получил от своего банкира миллион франков ассигнациями.

Софи случайно узнала о его приготовлениях. И в отчаянии примчалась в Тюильри. Услышав о том, что принц Конде вознамерился выехать из Франции, Луи-Филипп смертельно побледнел:

— Я знаю,— сказал он,— что принц получил от Карла X письмо, в котором тот уговаривает вашего друга составить новое завещание в пользу маленького герцога Бордосского. Если он уедет, то ускользнет из-под нашего влияния и мой сын лишится наследства. Ему надо помешать уехать. Любой ценой!

Этот разговор состоялся 25 августа 1830 года.

А 27 августа принца нашли повешенным на шпингалете окна его спальни. Спустя еще несколько дней следователь по уголовным делам господин де ла Юпуайе, утверждавший, что смерть принца была следствием убийства, был отстранен от ведения дела...

И пошли слухи о том, что принц Конде был убит госпожой де Фешер **по просьбе короля Луи-Филиппа.**

Такова была вторая версия.

Но потом было дано третье, очень фривольное объяснение загадочной кончины последнего представителя рода Конде...

В один прекрасный день по Парижу разнесся слух о том, что некоторые слуги из дворца Сен-Ле сделали невероятные признания по поводу драмы, произошедшей там 27 августа.

Женщины из Сен-Жерменского предместья, заливаясь краской смущения, принялись вполголоса рассказывать такие вещи, от которых слушательницы повизгивали, словно их, как выразился барон де Тьель, «щекотали в одном месте».

Так о чем же проболтались лакеи принца Конде?

Они сообщили поистине удивительные подробности. По их словам, принц стал жертвой собственной похотливости. Вот что поведали слуги принца:

«Наш хозяин вот уже несколько последних месяцев никак не мог продемонстрировать свой пыл госпоже де Фешер, и той приходилось прибегать к различным приемам и уловкам, которыми пользуются девицы легкого поведения.

Увы! Ее возбуждающие ласки со временем перестали оказывать должное действие, и баронессе для того, чтобы привести Его Высочество в дееспособное состояние, пришлось искать другие средства.

Госпожа де Фешер вспомнила, что на ее родине, где высшей мерой наказания была смертная казнь через повешение, рассказывали весьма пикантные подробности о последних минутах жизни приговоренных к смерти людей. Некоторые посетители сераля, в котором она работала, утверждали, что удушение вызывало определенную физиологическую реакцию организма, позволявшую повешенным проявлять себя во всей мужской красе и, перед тем как отдать Богу душу, познать радость «наслаждения»...

И она решила использовать это средство для того, чтобы пробудить уснувшие чувства своего любовника.

Каждый вечер она приходила в его комнату и подвешивала его там на некоторое время. Когда эта маленькая казнь давала свои результаты, она быстро отвязывала принца и «проявляла о нем сладостную заботу»...

Увы! В ночь на 27 августа госпожа де Фешер высвободила принца из петли чуть позже, чем следовало...

Перепугавшись, она вернулась к себе в комнату, где ее ждал молодой любовник, жандармский офицер, и они вдвоем организовали мизансцену, которая должна была внушить всем версию самоубийства.

После чего она попросила Луи-Филиппа распорядиться, «чтобы правосудие не было слишком уж пронизательным». Монарх, многим обязанный баронессе, уступил ее просьбе...

Эти сведения, так поразившие добрых людей, были подтверждены спустя восемнадцать лет после событий февраля 1848 года в одной брошюре под названием «Революционные портреты». Ее автор, Виктор Бутон, писал:

«Герцог Бурбон был повешен. Его старческие привычки сделали это преступление совсем простым делом: госпоже де Фешер, чтобы убить его, не надо было прилагать особых усилий. Герцог пристрастился к одному из странных способов получения наслаждения, развратному с точки зрения морали, но совершенно естественному (sic) для людей, которым уже за шестьдесят. То утонченное наслаждение, которое баронесса давала ему

возможность испытывать при совершении этого похотливого деяния, и было в основе их давней продолжительной связи. Я хотел объяснить это все при помощи метафоры, но у меня не поворачивается язык. И все же я должен объяснить вам все. Я имею в виду то, что герцог любил испытывать на себе что-то вроде “процедуры” повешения, когда ноги его были всего в нескольких сантиметрах от табурета или когда он почти доставал ими до пола, и в таком положении госпожа де Фешер давала ему познать радости сладострастия.

Однажды баронесса отодвинула табурет всего лишь на несколько сантиметров дальше, и герцог оказался по-настоящему повешенным. Вот почему все произошло без малейшего шума, почему не были позваны слуги и т. д. Все политические аспекты свелись только лишь к спорам о наследстве. Я могу сказать, что желание вернуться в свет явилось причиной того, что в этот раз баронесса отодвинула табурет чуточку дальше, чем обычно. Ибо пока был жив герцог, баронесса не имела возможности жить светской жизнью, поскольку была содержанкой герцога. А после его смерти она вновь становилась баронессой де Фешер, которую никто ни в чем не мог упрекнуть. Но возможно ли предположить, что Луи-Филипп знал о намерениях баронессы и что согласился с ее планом убийства? Нет, такое предположение не выдерживает никакой критики!»

Позднее в своем произведении «Шпингалет Сен-Ле» тот же самый Виктор Бутон пишет:

«Господин Жиске, бывший префект полиции, дал, на мой взгляд, наиболее близкое к истине объяснение этой насильственной... и сладкой смерти. И я считаю своим долгом привести здесь

все подробности для того, чтобы картина эта стала более понятной.

К тому же неблагодарность короля Луи-Филиппа по отношению к господину Жиске не дает мне права замалчивать этот вопрос, а тем более представлять его в искаженном свете.

Да, принц Конде был повешен, задушен особым способом, одним словом, убит баронессой де Фешер.

Страсть старика, его похотливость позволили совершить это преступление, сделали убийство настолько простым, что баронессе не надо было его долго готовить и прилагать большие усилия, чтобы его осуществить.

Известно, что никакие соображения чести и доводы родных не смогли заставить принца порвать с этой женщиной, которая на протяжении многих лет была официально признанной его любовницей. Именно по этой причине она была покинута мужем. С тех пор как возраст лишил принца мужской силы, она стала доставлять ему сексуальные радости с помощью приемов из арсеналов проституток. Приемы сии доходчиво объяснены физиологами. Она его... (здесь мы опустим слово). Именно утонченность, с которой баронесса проводила с принцем эти похотливые деяния, и лежала в основе их многолетней любовной связи.

Баронесса де Фешер приходила по утрам в указанные дни и часы в спальню принца и отодвигала шпингалет замка с помощью привязанной к ней веревки.

После обмена несколькими ласками принц вставал с постели, становился у окна на маленькую табуреточку. На шею надевал шарф, привязанный к шпингалету рамы. Баронесса отодвига-

ла чуть в сторону табуреточку, в результате чего принц вытягивался и слегка напрягался. И в этом положении баронесса у него... (опустим еще несколько слов) до тех пор, пока... несчастный старик не возносился от удовольствия на седьмое небо.

Так обычно происходит со всеми повешенными: в таком состоянии они получают последнее половое удовлетворение...¹⁷

Баронессе де Фешер, пожелавшей избавиться от принца, оставалось только выбрать день. И в одно прекрасное утро, когда герцог был в привычном подвешенном положении, в тот самый момент, когда он испытывал верх сладострастия, баронесса, как бы случайно, ногой легонько отодвинула табурет в сторону. Совсем чуть-чуть, но этого хватило для того, чтобы герцог был повешен по-настоящему. Находясь на вершине блаженства, он не захотел и не смог бороться за жизнь и умер тихо и в наслаждении.

Когда прибыл следователь и констатировал смерть герцога, он составил протокол, в котором отметил, что у ног принца были обнаружены следы эякуляции. Этот протокол был, если можно так выразиться, проигнорирован во время суда, но все же был опубликован.

После того как баронесса де Фешер слегка отодвинула ногой табурет, она спокойно ушла к себе в комнату»¹⁸.

Автор объясняет нам затем, каким именно образом госпожа де Фешер сумела запереть изнутри дверь спальни принца: она сложила вдвое нитку, обмотала ее вокруг ручки, затем закрыла дверь и потянула за оба конца нитки, которые держала в руке; таким образом она закрыла язычок

замка. После этого ей осталось только вытянуть нитку...

«Баронесса бесшумно проскользнула к себе,— продолжает Виктор Бутон,— и во дворе по-прежнему стояла мертвая тишина, так что ни один из слуг не мог сказать ничего определенного, а тем более ответить на вопрос: сам ли принц повесился? Маленький табурет стоял неподалеку от ног трупа, и застывшее на его лице спокойствие не имело никакого объяснения.

Эта альковная тайна так и не была раскрыта, но я узнал об этом из архивов префектуры полиции».

Сегодня такое объяснение этой драмы удовлетворяет всех историков.

И все же при этом остается неясным один вопрос: намеренно ли госпожа де Фешер отодвинула ножкой табурет или, забывшись, не успела вовремя вынуть из петли несчастного принца?

Вот этого-то мы уже никогда не узнаем¹⁹.

Позднее замок Сен-Ле, который баронесса получила в наследство, был снесен по ее указанию. Но муниципальные власти на том месте, где некогда висел в петле принц, возвели мраморную мемориальную колонну.

А злые языки, которых всегда и везде предостаточно, язвительно замечали, что это очень символично, поскольку сильно напоминает «нечто» в состоянии эрекции...

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1.** *Госпожа Досн подталкивает
господина Тьера к власти* 9
- Глава 2.** *Принц Конде становится жертвой
эротических развлечений* 23
- Глава 3.** *Любовно-политические похождения
герцогини Беррийской* 43
- Глава 4.** *Герцогиня Беррийская рождает
в тюрьме* 62
- Глава 5.** *Господин Тьер женится на дочери
своей любовницы* 75
- Глава 6.** *Была ли Фанни Эльслер любовницей
Наполеона II?* 81
- Глава 7.** *Мария-Луиза вела в Парме
распутный образ жизни* 92
- Глава 8.** *Париж очарован любовницей Фьеша* . . . 104
- Глава 9.** *Госпожа Досн хочет развязать
«свою» войну* 115
- Глава 10.** *Палата пэров приговаривает
Луи-Наполеона к воздержанию* 130

- Глава 11.** Луи-Наполеон наряжается женщиной для того, чтобы покорить благородную флорентийку 137
- Глава 12.** Для того чтобы удался военный путч в Стасбуре, Луи-Наполеон делает ставку на певицу Гордон 146
- Глава 13.** В Америке Луи-Наполеон ударяется в разгул 168
- Глава 14.** В форте Ам Луи-Наполеон становится отцом 187
- Глава 15.** Граф д'Орсэ становится любовником леди Блессингтон, другом лорда Блессингтона и мужем мисс Блессингтон 200
- Глава 16.** Правда о встрече Луи-Наполеона с мисс Ховард 212
- Глава 17.** Трон Луи-Филиппа запачкан грязью скандалов 224
- Глава 18.** Политики 1848 года — будущие дамские угодники 240
- Глава 19.** Пламенные «везувийки» отдавались из-за любви к республике 249
- Глава 20.** Как господина де Ламартина приняли за женщину легкого поведения 256

Глава 21. <i>Луи-Наполеон избран благодаря мисс Ховард</i>	262
Глава 22. <i>Игривое чтиво Луи-Наполеона</i>	276
Глава 23. <i>В Елисейском дворце появляется Рашель</i>	286
Глава 24. <i>Господин де Морни проживал в «конуре верного пса»</i>	296
Глава 25. <i>Влюбленная мисс Ховард финансирует государственный переворот</i>	307
Глава 26. <i>Стендаль влюбляется в юную Эжени де Монтихо</i>	322
Глава 27. <i>Луи-Наполеон встречается с будущей женой в доме у своей бывшей невесты</i>	337
Глава 28. <i>Наполеон III возлагает на голову Эжени венок из фиалок</i> ...	351
Глава 29. <i>Мисс Ховард становится графиней де Бель-Эба</i>	363
Библиография	375
Примечания	381

ГИ БРЕТОН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

в 10 томах

- Том I* **Любовь,
которая сотворила историю**
- Том II* **От Анны де Боже
до Марии Туше**
- Том III* **В интимном окружении
королев и фавориток**
- Том IV* **От великого Конде
до Короля-Солнце**
- Том V* **Век распутства**
- Том VI* **Любовь «по-санкюлотски»**
- Том VII* **Наполеон и его женщины**
- Том VIII* **Наполеон и Мария-Луиза**
- Том IX* **Эжени флиртовала...**
- Том X* **Загадочные женщины XIX века**

Литературно-художественное издание

БРЕТОН ГИ

**ИСТОРИЯ ЛЮБВИ
В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ**

ТОМ 9

ЭЖЕНИ ФЛИРТОВАЛА...

ЖЕНЩИНЫ ВРЕМЕН

ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

Перевод с французского В. В. Егорова

Ведущий редактор серии *Н. В. Комарова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать 14.07.2018 г.
Формат 84×90/32. Гарнитура «Miniature».
Печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru